

THE MESSENGER • DER BOTE

ВЕСТНИК

орган р.с.х. движения
в германии.

МЮНХЕН

ФЕВРАЛЬ

II

1949 год

ОГЛАВЛЕНИЕ № 2 (1949 год)

1. ОТ РЕДАКЦИИ	1
2. О МИРЕ ДУШЕВНОМ (из поучений преп. Серафима Саровского)	3
3. О ВЕЧНОЙ ПАМЯТИ — свящ. Павел Флоренский	5
4. ЦЕРКОВЬ (окончание) — проф. И. П. Четвериков	8
5. ОБНОВЛЕНИЕ ИНТЕРЕСА К ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ИКОНЕ — Г. Г	17
6. ЛЕТНИЙ СЪЕЗД Р. С. Х. Д. В ГЕРМАНИИ	24
7. РЕЛИГИОЗНОЕ ОСОЗНАНИЕ НАШЕГО БЕЖЕНСТВА (Запись доклада проф. Л. А. Зандера)	27
8 ХРОНИКА	29
9 ЖИЗНЬ ДВИЖЕНИЯ	30

Журнал выходит один раз в месяц.

Цена отдельного номера — 1. 50 DM.

Редактор: прот. Александр Киселев.

*Адрес редакции: Pfarrer A. Kisseleff
München 27. Mauerkircherstr. 5.
Germany — US Zone*

Издание Р. С. Х. Движения в Германии.

БИБЛИОТЕКА-ФОНД
«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»
МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДИЩЕВСКАЯ 2

Русское Студенческое Христианское Движение за рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения православной Церкви и привлечение к вере во Христа неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей готовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

Мюнхен, 10-го февраля 1949 г.

Мы склонны считать переживаемое нами время особенно тяжелым. Нельзя отрицать, что подобное убеждение имеет веские основания. Поэтому и называем мы наше время „безвремением“, выражая в этом определении всю тяжесть нашего положения. Это определение правдиво, но оно несет в себе две правды, о которых и хотим мы сказать.

Лишенные родины, часто разлученные с близкими и любимыми людьми, несомые ветром изгнания по лицу всей земли, мы не имеем родного угла, созидательной и творческой работы на пользу родной страны, не имеем позади себя того прошлого, которое можно было бы по человечески благословить, не имеем впереди того „завтра“, которому можно было бы с радостным самоотвержением отдать все свои способности, знания и силы. Этим объясняется весь тот внутренний разлад, раздробленность, ненужная и бесцельная борьба, в которой так обильно тратит свои силы русская зарубежная общественность, над которой повсюду, от политических до церковных течений включительно, мрачным знаменем плещется ужасное слово „раскол“.

Из прошлого (уже далекого) вынесены славные традиции, свято хранящиеся в сердцах, умах и храмах. В

БИБЛИОТЕКА-ФОНД
«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»
МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДИЩЕВСКАЯ 2
4008 247

этом хранении русская эмиграция выполнила и выполняет свою большую и ответственную задачу. Но историческое прошлое ушло далеко, историческим будущим оно не станет. Для новых поколений эмиграции оно теряет те яркие цвета, какими светилось оно 30 лет назад. Им можно и нужно гордиться, у него нужно учиться, но верить в то, что время повернет обратно и прошлое станет будущим, трудно.

А „завтра”, — в каком тумане находится оно, свидетельством тому служат споры и разногласия, которыми раздирается русское зарубежье. Много сил, много жертвенности, много благородства расходуется на создание идеологий и на защиту точек зрения, но нет единодушия и все усилия тратятся часто впустую.

Такова первая правда, правда о тупике русской жизни, созданном „безвременьем”.

* *

Но есть и вторая правда, более глубокая, более значительная, отрадная и благостная. Господь отнял у нас прошлое и не показывает нам нашего „завтра”. Господь дает нам великую и, быть может, единственную возможность узреть то, что стоит над „вчера” и над „завтра” — Вечность.

В этом, несомненно, Его провиденье, Его благая воля. Только в свете вечности может быть разрешена загадка нашей трагедии, ее смысл, ее значение. Только в свете вечности мыслим мы наше мировоззрение, наше бытие, служение, творчество, нашу личную и общественную жизнь, наше государственное будущее. Только в свете вечной Христовой правды мы можем найти ответы на все философские, национальные и социальные проблемы современности. Узреть же этот свет можно только путем подлинной жизни в Церкви.

Русское Студенческое Христианское Движение, будучи объединением русской православной молодежи, зовет своих членов к вживанию в Церковь и к оцерковлению жизни. Церковь и Благодать Духа Святого, веющая в ней, должны стать единственными и настоящими источниками нашей жизни и нашего творчества. Только здесь всякое наше дело может быть освящено, осмыслено, „осолено”. В братстве единомысленной молодежи,

укрепленном духом христианского дружества, Движение старается дать своим членам возможность христианского общения и творчества. Мы зовем русскую молодежь к объединению в кружки или группы при содействии настоятелей приходов или духовно авторитетных лиц, к изучению Священного Писания, творений св. Отцов Церкви, углублению в духовную сокровищницу нашей, из православия выросшей, культуры.

„Вестник” на своих страницах стремится давать статьи, могущие служить матерьялом для работы в кружках. Движение и Редакция „Вестника” всегда готовы оказать помощь советом и соответствующей литературой в каждом отдельном случае.

О МИРЕ ДУШЕВНОМ

(Из поучений преп. Серафима, Саровского Чудотворца).

Мир душевный приобретается скорбями. Писание говорит: „приидохом сквозь огонь и воду и изведе еси ны на покой” (Пс. 65, 12). Хотящим угодить Богу путь лежит через многие скорби.

Ничто так не содействует стяжанию внутреннего мира, как молчание и, сколько возможно, непрестанная беседа с собою и редкая с другими. Ничто же лучше есть во Христе мира, в нем же разрушается всякая брань воздушных и земных духов.

Признак духовной жизни есть погружение человека внутрь себя и сокровенное делание в сердце своем. Благодать Божия приосеняет такого человека, и он бывает сперва в мирном устройении, а путем сего переходит и в премирное: в мирном, то есть, с совестью благою; в премирном же, когда его ум созерцает в себе благодать Святого Духа по слову Божию: „в мире место Его” (Пс. 75, 3). Можно ли, видя солнце чувственными очами, не радоваться? Но сколько радостнее бывает, когда ум видит внутренним оком Солнце Правды-Христа? Тогда во истину радуется он радости Ангельской. О сем то и Апостол сказал: „Наше житие на небесех есть”. Кто в мирном настроении неуклонно ходит, тот как бы лжицею черпает духовные дары. Святые отцы, имея мирное устройство, жили долго, будучи осеняемы благодатию Божией.

Когда человек придет в мирное устройство, тогда он может от себя и на других изливать свет просвещения разума. „Мир имейте и святую со всеми, без которых никто же узрит Господа” (Евр. 12, 14). Итак, мы должны все свои мысли, желания и действия сосредотачивать к тому, чтобы получить мир Божий и с Церковью всегда звать: „Господи, Боже наш, мир даждь нам” (Ис. 26, 12).

Надобно всеми мерами стараться, чтобы сохранить душевный мир и не возмущаться оскорблениями от других; для сего нужно всячески удерживаться от гнева и посредством внимания оберегать ум и сердце от неустойчивых колебаний.

Оскорбления от других должно переносить равнодушно и приобучаться к такому расположению, как бы они не до нас касались.

Такое обращение может доставить нашему сердцу тишину и соделать его обителью Самого Бога. Если же невозможно, чтобы не возмутиться, то по крайней мере удерживать язык по глаголу Псалмопевца: „смятохся и не глаголах”. Чтобы сохранить душевный мир, должно отгонять от себя уныние и стараться иметь дух радостный.

Для сохранения мира душевного также всячески должно избегать осуждения других. Снисхождением к брату и молчанием сохраняется мир душевный; когда в таком устройении бывает человек, то случаются божественные откровения.

Чтобы не впасть в осуждение ближних, должно внимать себе, ни от кого не принимать дурных вестей и быть ко всему мертвым.

К сохранению душевного мира надобно чаще входить в себя и спрашивать: где я?

При сем должно наблюдать, чтобы телесные чувства, особенно зрение, служили внутреннему человеку, и не развлекали его, ибо благодатные дарования получают только те, которые имеют внутреннее делание и бдят о душах своих.

Надобно идти средним путем, не уклоняясь ни на десно, ни на шуе. Духу давать духовное, а телу телесное, потребное для содержания временной жизни. Не должно также и общественной жизни отказываться в том, что она законно требует от нас, по словам писания: „воздадите кесарева кесареви, а Божия — Богови” (Мф. 22, 21).

Должно снисходить и к душе своей в ее немощах и несовершенствах, и терпеть свои недостатки, как тер-

пим недостатки ближних, но не облениться и непрестанно побуждать себя к лучшему.

Употребил ли ты много пищи или сделал другое что, сродное слабости человеческой, не возмущайся, не прибавляй вреда ко вреду, но, мужественно подвигнув себя к исправлению, старайся сохранить мир душевный, по словам Апостола: „блажен не осуждаяй себе, о нем же искушается” (Рим. 14, 22). Тот же смысл заключают в себе и слова Спасителя: „аще не обратитесь и не будете яко дети, не внидите в Царство Небесное” (Мф. 18, 3). Тело, изможденное трудом и болезнями, должно подкреплять сном, пищею и питием, не наблюдая даже и времени. Иисус Христос тотчас по воскресении дочери Иаировой от смерти „повелел дати ей ясти” (Лук. 8, 55).

Всякий успех в чем либо мы должны относить ко Господу и говорить с пророком: „не нам, Господи, не нам, а имени Твоему даждь славу” (Пс. 113, 9).

О ВЕЧНОЙ ПАМЯТИ

(Из книги о. Павла Флоренского „Столы и утверждение истины”).

„Помяни, Господи, имярек”, говорит иерей, вынимая на проскомидии частицу из просфоры и полагая ее на дискос. А в отношении умершего — речение равносильное: *Упокой, Господи, имярек*”, ибо и „*упокоение*” Господом и „*памятование*” Им означают одно и то же, — *спасение* того, чье имя произносится. Самые диптихи, или списки имен тех живых и усопших, за которых молится каждый из нас, носят выразительное название „помянников” или „поминальников”.

„Помяни, Господи, во множестве щедрот Твоих, и вся люди Твоя, сущия и молящияся с нами, и всю братию нашу, яже на земли, на мори, на всяком месте владычества Твоего, требующих Твоего человеколюбия и помощи, и всем подай великую Твою милость...”

молится иерей в начале утрени, или, еще определеннее: „Приклони ухо Твое и услыши ны, и помяни, Господи, сущия и молящияся с нами вся по имени, и спаси я силою Твоею”.

О чем просил со креста благоразумный разбойник? — „Помяни меня, Господи, когда прийдешь во Царствии

Твоем!" Просит помянуть, и — только. А в ответ ему, во удовлетворение желания его, — желания быть помянутым, — Господь Иисус свидетельствует: „Истинно говорю тебе, днесь со мною будешь в раю" (Лк. 23, 42, 43). Иными словами, „быть помянутым" Господом это то же, что „быть в раю". „Быть в раю" это и значит быть бытием в вечной памяти и, как следствие этого, иметь вечное существование и, следовательно, вечную память о Боге: Без памятования о Боге мы умираем; но самое то наше памятование о Боге возможно чрез памятование Бога о нас.

Понятно, что если Церковь всегда молится о поминовении, то эти молитвы делаются особенно усердными, когда оканчиваются счеты с этой жизнью. Вот почему, по отпуске великой панихиды или парастаса диакон возглашает:

„Во блаженном успении вечный покой подаждь, Господи, ушшему рабу Твоему имярек и сотвори ему вечную память",
а певцы трижды поют:

„Вечная память".

Если, теперь, спросить себя, каков же смысл речения „вечная память", требует ли оно после себя *genetivus objectivus* или *genetivus subjectivus*, то, на основании всего сказанного, должно признать, что оба смысла содержатся тут, ибо „вечная память моя" значит „вечная память" Бога обо мне, и меня — о Боге, — короче, вечная память Церкви, в которой зараз сходятся Бог и человек. И эта вечная память — победа над смертью:

„Над смертью вечно торжествует,
в ком память вечная живет..."

Томительной жаждой *вечной памяти* и жгучим исанием найти ее охвачен был весь языческий мир; в самых существенных сторонах своего устройства он определялся именно этою потребностью, этою тоскою и этим порывом к вечности. Если и преувеличена теория, по которой вся языческая вера, со всеми своими жизненными осуществлениями (— а что в античном обществе не есть осуществление веры? —) — лишь безмерная вариация на тему: „культ предков", то все таки несомненно существовавшее значение этого культа для всей языческой жизни, особенно же — греко-римской. Что это, как не твердое решение потомков не выбросить их (— выбра-

сывается падаль —), а благоговейно *схоронить*, т. е. *сохранить* в лоне тех религиозных ячеек, которые, по человеческой стороне, можно назвать предварениями и прообразованиями Церкви. Жизнь есть *творчество*. Но разве иное что есть творчество, как не порождение чад духовных, как не пересоздание людей по своему божественному образу. С другой стороны, жизнь есть *чадородие*. А чадородие — это именно творчество, создание в мире людей по своему образу, данному Богом. И духовно и телесно жизнь хочет распространить себя. Как? — Оставляя во времени пребывающий образ свой, — как бы огненный след, тянущийся за падающею звездой. Творчество жизни осуществляет *память* о творившем, и потому, как объясняет у Платона жрица *Диотима*, *стремление к творчеству*, духовному ли, или телесному, *стремление к чадородию* — духовному или телесному, т. е. *эрос*, есть ни что иное, как внутреннее, неотъемлемое от души и неукротимое искание вечной памяти.

Таким образом, по признанию глубочайшего из язычников, и влюбленность, и супружеская верность, и родительская любовь к потомству, и все высшие деятельности, — одним словом, — вся жизнь имеет в основе не что иное, как желание, как жажду вечной памяти.

Но, насколько необходимо присущи человеческому естеству это желание и эта жажда и потому — безусловно и законны, настолько же неудовлетворенными остаются они в язычестве. Тут человек ищет *любви* не вечного Бога, а тленного со-брата своей гибели; и за *памятью* обращается не к Присносущему, а к мимо идущему, — к цепи поколений, из которых каждое — „соний прелестнейше" и которые, все вместе, следовательно, — существенно ничуть не более пара и мечты.

Не *вечную* память могут воздать своему предку те, кто сами уносятся Временем, а лишь *временное* памятование, — хотя бы и *долгое*, хотя бы и *неопределенно-долгое*. Да и что значит человеческое памятование, бессильное, как и человеческая мысль. Ведь Бог обладает мыслью творческою, — „мыслить вещами", почему и вечная память Его — могучее и реальное положение в Вечности того, что уже отошло во Времени. Человеческая же мысль, — особенно мысль человечества, развращенного и истощенного, — это лишь бессильное и призрачное положение во Времени того, чего нет уже во Времени, — тщетное хватание ускользающей тени.

ЦЕРКОВЬ

(Окончание)

Термин „соборная” в применении к Церкви в „Символе веры” есть перевод греческого слова *katholikos*, переводимый на западе иногда термином *allgemeine* в смысле всемирная, вселенская, охватывающая все количество людей на земле. С православной точки зрения — „католическая” означает целостное единство верующих, т. е. ударный момент в этом слове лежит не на количестве охвата верующих, а на целостности их единства, той целостности, которая характеризует личность, как единство множественности переживаний человека.

Личность человека (самая маленькая ячейка Церкви) соборна. Ребенок в акте любви впитывает в себя душу и лицо матери, отца, всех членов семьи; муж и жена вводят в себя душу одного другого, и в этом смысле живут уже не изолированной, а общою жизнью; их лицо из индивидуального, не теряя однако этой индивидуальности, становится соборным. Но это — еще не соборность в полном смысле слова, которая завершается, становится истинной соборностью только в Церкви. Бог вдунул в лицо человека Духа Святого, но человек в первородном грехе отвернулся и бежал от Него, пытаясь скрыться в природной жизни. Вступая в Церковь, человек дает заверения в своем желании активно стремиться к возвращению к Духу Святому, в нем неотлучно пребывающему, к подчинению Ему всей своей душевной жизни, своих мыслей, своих чувств и желаний. Это стремление Пр. Серафим Саровский называл „стяжанием Духа Святого”, не „привлечением” — Он — в нас — а обращением к Нему всей нашей души, включением всей нашей жизни в орбиту Его жизни, и считал это конечной целью человека. В записках Мотовилова имеется характерный рассказ о том, как в зимний вечер препод. Серафим в беседе с Мотовиловым опытно показал ему „стяжание Духа Святого”, заставив своего слушателя слиться душою с ним, Преподобным, и в этом слиянии пережить полный внутренний переворот, — возвращение к райскому подчинению всей своей жизни Божественному, нетварному началу в себе и взглянуть на мир, почувствовать его по иному. Нетварное, божественное начало, Дух Свя-

тый — один у всех людей, и поэтому, слившись душой с внутренне переродившимся человеком, люди и свою душу отдают тому же Духу Святому и также внутренне перерождаются, хотя бы на небольшое мгновение. Тут — не просто единодушные или единомысленные, как в семье; тут единодушные в Духе Святом. „Стяжая Духа Святого”, мы достигаем высшей ступени любви друг к другу, где эта любовь сливается с любовью к Богу, в нас живущему, когда семейная любовь переходит в любовь к Богу через включение семьи в Церковь Христову. Только отсюда можно понять смысл вселенскости вселенских соборов, как высшего единения людей, как источника Божественного Откровения, как непогрешимой инстанции в Церкви. Не просто собрание людей, не собрание представителей всех поместных Церквей, не число епископов, короче — не внешне формальные условия вселенскости соборов, но прежде всего единение в любви и присутствие Духа Святого на собравшихся определяет католичность, в смысле соборности, Церкви. Собравшиеся на Соборе представители Церкви должны были прежде всего „стяжать Духа Святого”, любовью друг к другу, объединиться в Нем, чтобы их постановления носили характер непогрешимости. Работа вселенских соборов начиналась молитвой, а их постановления — апостольскими словами: „изволися Духу Святому и нам” (Деян. 15, 28). В силу космического характера Церкви и ее соборность космична и не исчерпывается только людьми. Церковь молится „за всех и за вся” перед Евхаристической Жертвой. Вместе с людьми и вся тварь, по слову ап. Павла, ждет избавления от рабства тлению в свободу славы детей Божиих (Рим. 8, 21-23)

Церковь святая. Термин „святой” употребляется в Ветхом и Новом Завете в двух смыслах: в субъективном и объективном. В первом смысле человек свят по своей жизни, по настроению своей души. В этом смысле мы говорим о святых, как об особой группе людей, выделенных и угодивших Богу своею жизнью. Это — угодники, святые. В Ветхом Завете термин „святой” приписывался только Богу, — один Бог без греха, человек же непрерывно падает. И тем не менее мы не можем судить и осуждать человека, не смеем сказать, что он лишен этой субъективной святости. Мы видим настоящее человека, ничтожный отрезок его длительной жизни. Вслед за психологией нового времени мы склонны смотреть на

прошлое, как на более или менее ясный или неясный отпечаток бывшего. Эти „тени” и „отпечатки”, как тени умерших, находящихся, по верованию греков, в аиде, должны быть отнесены в область небытия. Однако, факты, например, так называемой „эйдетической памяти”, говорят о том, что прошлое не умирает, не превращается в тень или ничто, но продолжает существовать как реальность в человеческой душе; и только Бог может бывшее сделать небывшим, в таинстве покаяния совершить чудо изничтожения бытия прошлого греха из души человека. Прошлое продолжает жить в человеке. Оно живет, с одной стороны, опустившись за „порог сознания”, и, вытесняемое в потоке времени все глубже и глубже вновь надвигающимися переживаниями, а с другой, — не отделяясь какой то четко проведенной границей от последующих переживаний, но пронизывая и перерабатывая их собой. По образу А. Бергсона самое начальное переживание рождающегося человека в потоке времени принимает на себя все последующие переживания и, вбирая их, растет, ни на миг не останавливаясь, до самого конца жизни. Как снежный ком, маленький вначале, растущий в движении, снежной лавиной спускается к подножию горы, в долину, как свою гробницу; так и человеческая личность растет в потоке жизни, непрерывно пронизывая каждый новый миг настоящего всем своим прошлым, начиная с первых переживаний, и подходит, до предела обогащенная мудростью прошлого, к граням своего земного странствования. Настоящее в жизни личности — ничтожная часть ее долгой жизни; но эта часть несет в себе живое целое, вбирает в себя все множество предшествующих, никогда не умирающих миггов своей жизни; настоящее — и часть, и целое, оно — движущийся миг вечности. Эти миги не расплываются до неузнаваемости в миге настоящего, не утопают в нем, как его „окраска”. Бывают моменты, когда эти миги прошлого, как бы прорываются сквозь оболочку настоящего и вспыхивают в сознании с яркостью настоящего, приковывая к себе наше иногда трепетно умолкающее я, как у Толстого, когда он писал „Детство и отрочество”, как у Пушкина, когда в безмолвии ночи воспоминание разворачивало перед ним свой свиток, и он, читал жизнь свою, лил горькие слезы и проклинал свое прошлое. Вся жизнь человека от чистого младенчества, от стыдливого отрочества и верящей в себя юности до старости — одна целостная жизнь лич-

ности. Прошлое живет в нас и освящает нас; оно — не труп, как полагал Ибсен, а наш хранитель и заступник, который светит в самой темной ночи настоящего. В старости ослабевают память ближайшего прошлого, но заостряется воспоминание детства и юности. В тихой углубленности в себя старость переоценивает свою греховную зрелость пред лицом детской чистоты, и в этом суде над собой или льет слезы, как Пушкин, и проклинает жизнь свою, не смывая строк печальных свитка памяти; или же в Церкви, в таинстве Покаяния переживает величайшее чудо уничтожения греховного прошлого, просветление всей своей жизни, превращение греховного бытия в небытие.

Нам, лишившимся способности проникать своим взором в глубь объекта и потому видящим только поверхностную сторону личности человека, невозможно судить других; мы не видим свечения чистого прошлого в греховном настоящем, мы не видим скрытых часто от самого переживающего внутренней борьбы и внутренних слез, как современники Пушкина не видели его ночных слез и беспощадного суда им своей прошлой жизни. „Не судите, да не судимы будете”; не выносите приговора греховности человеку; его судья — один только Бог. Сколько незримых миру слез проливал нам кажущийся счастливым, нераскаянным, холодно-бессердечным человек.

Термин „святость” имеет и другое объективное значение: „свят” значит — освящен Богом, выделен Богом, напр. для служения Ему (назарей „на все дни назарейства своего святы Богу”. Числ. 6, 8). Эта святость — не признак душевной настроенности человека, не святость его по отношению к Богу, а святость по отношению Бога к нему. Святым с этой точки зрения может быть и место, на котором явился Господь (Ис. 3, 5). Но не в этом только смысле святы члены Церкви, они святы еще и потому, что через Бога и при помощи благодати Божией внутренне вырастают в Церковь и, таким образом, становятся субъективно святыми. „Если начаток свят, пишет ап. Павел, то и целое, и если корень свят, то и ветки” (Рим. 11, 15). Но тот же апостол часто пишет о несвятой и греховной жизни своих учеников, уже членов Церкви. „Есть верный слух, пишет он коринфянам, что у вас появилось блудодеяние, что между вами — разделения и ссоры” (1 Кор. 1, 11; 5, 1). И тем не менее он пишет им:

„непрестанно благодаря Бога моего за вас, ради благодати Божией, дарованной вам”, ради того, что вы не имеете никакого недостатка ни в каком даровании, ожидая явления Господа нашего Иисуса Христа (1 Кор. 1, 4. 7), и потому у вас есть все, чтобы быть святыми; вы уже святы в корне и возможности, и Господь наш Иисус Христос „утвердит вас до конца”, т. е. сделает до конца святыми (1 Кор. 1, 8). Для апостола не было вопроса о том, как Церковь может быть святою, когда члены ее — грешные. Этот вопрос возник позднее и повел к возникновению ересей монтанистов и новациан (III в.), донатистов (IX в.) и пелагиан (V в.), которые полагали, что Церковь не может быть католической в смысле — всемирной, так как ее членами могут быть только немногие святые; или если она католическая, то не святая. Церковь отвергла и то и другое утверждение, как еретическое. Церковь святая, так как ее основа и Глава есть „святейший святых” Господь наш Иисус Христос, так как она — Тело Христово, так как в ней обитает Благодать Духа Святого, так как в ней — сонм святых. Грешные, но освященные в таинстве крещения, члены ее не лишают ее святости. В здоровом человеческом теле всегда имеются отдельные заболевающие клеточки, на живом и крепком дереве всегда найдутся слабые и увядающие ветки, но это не делает больным ни тела, ни дерева; они сами излечиваются здоровыми соками организма. Христос говорил, что ветки лозы получают от нее жизненные соки, что отдельные заболевающие ветви ее исцеляются притоком живительных соков из лозы. „В великом доме Божиим, писал ап. Павел, есть сосуды не только золотые и серебряные, но и деревянные и глиняные, и одни — в почете, а другие — в низком употреблении. Но если который очистит себя, то будет сосудом в честь, освященным и благоприятным Владыке” (2 Тим. 2, 20, 21), но и до очищения он все же остается в „Великом Доме”, не выбрасываются из Церкви и грешные ее члены, но им подается благодать, их освящающая в Таинстве Покаяния, их воссоединяющая с Телом Христовым в Таинстве Причащения, их укрепляющая в остальных таинствах. Ветвь на лозе может и засохнуть, тогда ее срезают и бросают. Только безнадежные и нераскаянные грешники, окончательно выявившие себя плевелами, слугами сатаны, отсекаются от Тела Христова. Ученики покинули Спасителя в саду Гефсиманском, Петр трижды

отрекся от Него, но Господь не устранил их от Церкви Своей и молил о них Отца Своего: „освяти их истиною Твоею” (Ио. 17, 17). Святая не только небесная, но и земная Церковь, святая вся, как единая и целостная. Если бы земная Церковь была оторвана от небесной, и если бы она была суммою входящих в нее членов, то она никогда не могла бы быть святой. Но Церковь не есть сумма, а целостность, собор. Ее Главою является Христос, ее жизнь обуславливается живущим в ней Духом Святым. Свою святость поэтому она получает не от нас и не от святых Церкви небесной, а от Господа Иисуса Христа и Святого Духа. Как наше тело, состоящее из клеточек и мускульных волокон, не от них получает свою сущность, как тело, но от органического объединения их в одно целое, так и Церковь, являющаяся не собранием верующих, а прежде всего тем, что их собирает, любовью, как даром Божиим, объединяющей людей между собой и Богом. Любовь обуславливает внутреннее, сущностное объединение людей между собой и с Богом. Любовь эта исходит от Бога. Потому Христос и молил Отца о своих учениках: „да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне, так и они, да будут в Нас едино... Я открыл им имя Твое (Бог — любовь есть. Ио. 4, 8), и открою, да любовь, которою Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я — в них” (Ио. 21, 26). Несколько раньше Иисус Христос говорил Своим ученикам: „кто любит Меня, соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к Нему и обитель у Него сотворим” (Ио. 14, 28). „Как возлюбил Меня Отец, так и Я возлюблю Вас; пребывайте в любви Моей” (Ио. 15, 9). В любви Божией и в ответной любви людей друг к другу — источник святости Церкви.

Неизбежное несовершенство членов Церкви, включая и церковную иерархию, делает неизбежным жизнь, развитие Церкви. Как тело, как живой организм, она растет и рост этот идет в двух направлениях: в количественном и в качественном. Церковь должна охватить все человечество; Бог пришел спасти всех людей. Ко времени второго пришествия Христа Евангелие должно быть проповедано всему миру (Мф. 24, 14). Это не значит, что все люди войдут в Церковь. На ниве Божией, засеянной Богом пшеницей, возшли и плевелы, посеянные ночью дьяволом. Люди, окончательно ставшие слугами сатаны, не войдут в Церковь, но возможность войти должна быть

дана и им. Церковь должна расти количественно до полного охвата всех людей.

Организм растет, не только расширяясь объемно, но и внутренне укрепляясь. Члены тельца только что родившегося младенца еще не способны к координированным, связанным движениям и только постепенно включаются в жизнь целого; привитая к дереву ветка не сразу врастает в него. Так и члены Тела Христова „ посредством всяких, взаимно скрепляющих связей, при действии в свою меру каждого члена, получают приращение для созидания самого себя в любви” (Еф. 4, 16). „Мы не должны оставаться младенцами... но истинною любовью возвращать все (всего себя, как целое, и не чувством только, а реально) в Того, Который есть Глава Христос” (Еф. 4, 15). Также и ап. Петр говорит о необходимости для каждого верующего непрерывного роста во Христа (1 Петр. 2, 3, 18; ср. Кол. 3, 10). Следовательно, вцерковленный христианин не сразу входит в полное единение со Христом, как вновь привитая ветка к дереву не сразу срастается с ним в одно целое. Этот постепенный процесс вrastания обуславливается любовью, которая требует жертвы, как жертвенен процесс единения в любви членов семьи. Христос принес величайшую жертву из любви к человеку. Человек должен пожертвовать своею самостью; он должен отказаться от автономии разума и воли, подчинив их всецело Главе — Христу. Этот отказ возможен только на почве любви; любя, человек ограничивает себя, подчиняет свой разум и свою волю разуму и воле другого, входит в его личность и сливается с нею. Как изолированность и замкнутость в себе есть гордость и вследствие этого — корень извращенности человека; так и вхождение в Церковь — источник его спасения. Таким образом Церковь, пока она остается воинствующей, не есть законченная и неподвижная субстанция. Она — в движении и во времени, как закатившееся, но еще не вскинутое тесто, как зреющее, но еще не созревшее поле. Она устремлена от начала Боговоплощения в маленькой точке космоса (ясли в Вифлееме) к чаемому концу времени, к охвату вечностью всего мира. Она эсхатологична в этой своей устремленности и передает эту эсхатологическую устремленность каждому отдельному члену своего тела. Она — напряженно активна и требует активности в борьбе от каждого своего члена. Успокоившийся и сложивший с себя шлем и броню, от-

ложивший меч и щит — становится отмирающею ветвью лозы, которой угрожает засыхание и отпадение от ствола лозы — Церкви.

Этот рост Церкви не есть постепенный и равномерный процесс. Он — результат борьбы и напряженной борьбы с самим собою. В ней неизбежны, как во всякой борьбе, подъемы и падения, отступления и наступления. Мы боремся не против крови и плоти, писал ап. Павел, но против начальства, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной. Плоть и кровь, или душа, сами по себе — не зло; зло состоит в их отрыве от образа Божия и в рабстве стихии, в их послушании дьяволу со времени грехопадения в раю, когда Ева слушала и послушалась змия, приведшего человечество к убийству и построению „Вавилонской башни”, к смешению языков и к взаимному непониманию, к окончательному отрыву человека от человека и людей от Бога. Эта борьба — война, и война не изолированных единиц, а организованного Тела Христова во главе со Христом. Поэтому и Церковь именуется воинствующею. Цели этой войны — устранить главную помеху нашему росту, победить сатану в нашем сердце. Ее последний конец — Церковь торжествующая, а путь от воинствующей к торжествующей — всемирная история, непрерывный рост. В этом росте Церкви — ее жизнь: в нее вливаются все новые и новые члены; очищаясь и любя, они все теснее срастаются друг с другом и со Христом; приближаясь к Богу, они все полней познают истину Духа Святого. Эта истина — в Церкви, Духом Святым созидаемой; она — в Церкви во всей полноте, но она и должна быть осознана каждым членом Церкви во всей своей полноте. Это осознание, постепенно углубляющееся в Божественную истину, тоже — жизнь ее, не вся конечно, а только одна сторона этой целостной жизни, тесно связанная с ростом любви ее членов и с укреплением их связи с Главою — Христом; это — один из моментов, внутренне слитых со всеми остальными в одну целостную „жажду Бога”, в ее устремленность к Богу. Знание не должно быть отрываемо от жизни, как оно оторвано в новой секуляризированной западно-европейской культуре; оно — в жизни и к жизни направлено; оно — не отдельные теоретически-богословские построения, как и Церковь — не отдельные религиозные организации, а органический рост соборной Церкви, питаю-

щейся жизнью Христа, Его апостолов и их учением. Здесь — в жизни Христа и учении апостолов — корень растущей Лозы Христовой, и потому она — апостольская Церковь. Ей грозит гибель, если она оторвется от своих апостольских корней. Ее преемственность от апостолов — не преемственность иерархии только, но всей Церкви и всей ее жизни. Она во всей ее целостности, а не иерархия только, есть и навсегда должна оставаться апостольской Церковью.

Церковь — живое Тело Христово. Она живет в непрерывном движении во Христе и ко Христу; живет в непрерывном и все более углубленном осознании Божией Премудрости-Истины; живет в растущей связи каждого ее члена со всем космосом в единое Тело и единый Дух; живет, наконец, в непрерывном вцеровлении всего человечества и всего космоса. Церковь не может быть только хранительницей, не должна становиться тем злым рабом, который зарыл в землю данный ему Богом талант. Хранение истины — смерти подобно. Истина, в каменный гроб заключенная, перестает быть живою Истиной; от нее остается только внешняя оболочка, потемневшее золото таланта, увядшая красота, которую стараются поджигать украшениями, к стыду — часто фальшивыми, заменить словами, утратившими свой живой и живящий смысл (номинализм). Хранение, — величайший враг Церкви, неспособный, конечно, сокрушить Ее врата, но способный умертвить Ее земное воплощение, которое, умирая, распадается на множество враждующих между собою личин-церквей. Такая Церковь уже потеряла свой апостольский дух. Апостольская Церковь — живая, непрерывно растущая полная, а не односторонняя, жизнью из апостольских корней, питаемая Духом Святым, — жизнью в Телесном Христовом, ведущим всех людей и весь космос к престолу Бога Отца.

Проф. И. П. Четвериков.

„Вестник“ просит всех друзей-читателей, еще не внесших подписной платы за 1949 г. сделать это в ближайшее время.

ОБНОВЛЕНИЕ ИНТЕРЕСА К ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ИКОНОПИСИ

(Лирические страницы из воспоминаний художника).

Что живее и непосредственнее всего связывало каждого из нас с далеким историческим прошлым России? Не церковные ли обряды и песнопения, не зодчество ли и иконопись, наряду со сказками, народным пением и былинами?

Наследие минувших поколений струится через века по многим руслам, некоторые из них таинственно пронизывают и питают плоть и душу и скрыты так глубоко, что не поддаются осознанию, ни тем более анализу. Но обратимся к тем, которые протекают в более доступной нашему сознанию сфере.

Творения искусства, нося на себе отпечаток времени, запечатлевают в образах исторические судьбы народов. Они как бы расширяют объем времени, раздвигают рамки нашего узкого кругозора и пускают челн воображения по широкой уводящей в даль реке времен. Его связываются одно поколение с другим и образуется единая цепь, у одного конца которой мы призваны ковать новое звено, тогда как другой теряется где то там, у сказочных истоков столетий.

И вот звенья нашего исторического прошлого наглядно доступны нам из этих памятников нашей старины. Внимательно вживаясь в них, мы способны чувством проникать в тайники духа, создавшего их, и смутно угадывать то главное, чем люди тех времен были живы. Без такого живого причастия всякое книжное знание о прошлом остается мертвой буквой.

Когда сталкиваешься с людьми без прошлого, становится ясно коренное различие между человеком, чувствующим эту связь с историей своей страны и тем, кто или родился вне национальных наследий или сознательно их отвергает.

Кризис культуры именно выражается в том, что одно поколение произвольно отрекается от заветов старины, и вскоре подрастает другое, которое уже больше не находит подступа к ним и даже кичится своим отрывом от прошлого. Такие люди нам говорят: „Какое лицемерие

в вашем поклонении камням; вы живете воображением и под гипнозом мнимых авторитетов: прошлое вас обременяет; постоянно оглядываясь, вы пренебрегаете настоящим; велика цена всей этой ветоши, если, окружая себя ею, вы рождаетесь стариками, неспособными держать; каждый шаг ваш робок, так как вы ступаете по развалинам, и древние дворцы ваши менее пригодны для жизни, чем наши лачуги”.

Но в глазах людей, говорящих это, во взорах, обращенных лишь вперед, отражается жуткая пустота: ведь будущее непроницаемо, как завеса, и если мы украшаем ее призраками нашей фантазии, то они все же остаются плоскими и бестелесными, как тени от волшебного фонаря. Памятники же былого, в свое время упорной осязаемости и трехмерности, пройдя неумаленными через горнило всепожирающего времени, свидетельствуют о неиссякаемых перевоплощениях духа. Чем древнее был город, в котором мне приходилось жить, тем поистине богаче мне всегда казалась жизнь. И из всех неотъемлемых сокровищ, которыми наделила меня родина, ярче всех сияют в моем воспоминании, те полуразгаданные, уже тогда с трепетом воспринятые мною образы седой старины.

Москва! Ростов Великий! Ярославль! Что знали бы мы о святой Руси, если бы не стены ваших Кремлей, не древние соборы, не свечи, зажженные перед темными ликами икон? Если бы не пасхальная заутреня в Успенском Соборе, когда круглые столпы храма, — внизу сиявшие в блеске золота и паникадил, — вверху таяли в бездонном мраке сводов, вместе со взлетом ликующих песнопений и колокольным гулом. А Троицкая Лавра в весеннем благоухании березовых почек, сочетающемся с запахом свежее-испеченного ржаного хлеба. Кирилло-Белозерский монастырь с его пестрыми башнями и куполами на искрящейся белизне замерзшего озера. И Фералонтова обитель, вся радужная от росписи преп. Дионисия — вы поведали нам предания, нигде не записанные, и тайны, языком истории неизреченные.

Помню, как впервые, стоя перед древним иконостасом, я почувствовал соприкосновение с тайной иконы. Тишина и неподвижность кругом, только венчик вокруг строгого лика Чудотворной Иконы чуть трепещет огнями самоцветных камней. Мне хотелось подойти и рассмотреть этот Лик, но, прикладываясь к Нему, взор невольно

опускался в благоговении и дерзновенное любопытство художника казалось богохульным.

Мне чудилось, что в этих таинственных Ликах, как в гадательном зеркале, скрывается вся неразгаданная повесть о святости, что они все знают о грешной Руси, изливавшей им всю скорбь и покаяние в многовековой исповеди.

Уже домашний обиход приучил меня, как и всякого другого, к благоговению перед предметами, освященными церковью. Но прошли года и дерзость личная, отражая дерзость века, стала подводить меня все ближе, с растущим любопытством и убывающим благоговением, к этим иконам, в которых я раньше ощущал святину, а теперь стал видеть произведения ни с каким другим не сравнимого искусства. Я шел в ногу с моим веком и во мне говорил голос времени.

Это были годы, когда, говоря словами Анны Ахматовой, „дух суровый византийства от русской церкви отлетал”. И не столько может быть от церкви, сколько от верующих. Многие (все как то сразу) начали увлекаться этими памятниками, как забытым видом искусства. Начали их собирать, выставлять и писать о них (между прочим и с точки зрения „формы как таковой”). Во главе этого движения в начале еще стояли отдельные глубоко набожные люди, умевшие бережно подходить и глубоко вдумываться. Как бы в предчувствии грядущих великих потрясений они жадно торопились все увидеть, все осознать и запечатлеть. Лишь позднее мы отдали себе отчет в том многозначительном совпадении, которое обнаружилось между обновлением интереса к древнему искусству и ослаблением религиозного чувства, как у масс, так и у той ученой элиты, которая стала им увлекаться. Не прошло и десятилетия, как вспыхнули открытые гонения против веры. Но как бы в ответ на них произошли чудесные обновления икон и церковных куполов.

Я лично был свидетелем того, как гигантские полотнища кумача, украшавшие стены и башни Кремля в день первомайского торжества восемнадцатого года, в тихий безветренный день, на глазах у народа, вдруг начали разрываться во всю длину, распадаясь на куски и падая на землю отдельными лохмотьями. Не страшась латышей-часовых, стоявших у кремлевских ворот, убогие старушки собирали среди мусора лоскутки материи и спорили со стражей, шепча молитвы и проклятия. Трид-

цать лет минуло с тех пор, и за эти годы все виды угроз, гонений и соблазнов обрушились на православный верующий народ и его Церковь. „Чудеса“, воспринятые многими, как признаки грядущего избавления, оказались предзнаменованиями мученичества.

Не иначе и в области иконописи, как вновь обретенного вида искусства. И если правда, что набожный человек может молиться с равным благоговением как перед иконой высокого художественного качества, так и перед наивным изображением, или даже механической репродукцией, то еще важнее (и труднее объясним) факт, почему знаток искусства, эстетически весьма даже глубоко его переживающий, тем не менее может быть далек от молитвенного состояния души. Это объясняется быть может тем, что эстетическое восприятие пассивно, в то время, как религиозное горение требует духовной активности. Очевидно восприятие искусства, будучи основано на анализе элементов его составляющих, может привести к их разобщению и тем разрушить их таинственную слиянность.

Однако, что же поведала нам Икона, когда мы взглянули на нее „новыми глазами“, т. е. подвергли ее анализу разсудка? Сознательный подход должен был бы дать результаты более доступные, нашему разумению, чем более бессловесное умиление подтверждая в другом плане его исходные предпосылки.

Религиозные эпохи всегда были плодотворны в области искусства, так как без святыни не бывает и созидательного творчества (хоть и возможна разрушительная деятельность). А признак творчества есть создание гармонического целого, подчиняющегося известным формальным закономерностям. Сильная своей верой древняя Русь создала искусство, отличающееся формальными качествами, столь своеобразными, что они до известной степени даже поддаются описанию. В исследовании этой чисто формальной стороны много было сделано даже в Советской России, но и в Западной Европе стал просыпаться интерес к нашей иконописи, и там почуяли, что в этом искусстве кроется некая загадочная сила.

Сила эта чисто духовного порядка, хоть и распознается она в особых, строго выработанных признаках. Иконописец имел своеобразный подход к своей задаче, отличавшийся коренным образом от подхода живописца мирского и даже церковного у других народов. Его мож-

но было бы назвать „пресуществляющим“. Он заключается, как мне кажется, в сознательном отказе от изображения действительности такой, каковой она нам представляется (даже учитывая, что она в старину могла представляться иной, чем нам теперь). Этим иконопись отличается от примитивного искусства, где несоответствие реальному миру было произвольным, бессознательным, наперекор стараниям к нему приблизиться, и как результат некоей технической „неумелости“. Иконопись создала на протяжении веков (от первых веков христианства и почти до нашего времени) особый мир „высшей“ действительности, послушный иным законам, чем наш бренный мир. Во Христе преображенная плоть освобождена от случайности и мнимого „правдоподобия“ и подчинена некоей духовной правде, создающей самодовлеющий строй высшего порядка. Этот закон является признаком всякого большого искусства, но здесь он заложен уже в самой теме, а не только в ее осуществлении. Жильцу этого мира вменилось бы в грех поддаться соблазну бездуховной телесности, каковой она мерещится безбожному глазу. И когда иконописец все же ею прельстился (с конца семнадцатого века), иконопись, в строгом смысле этого слова, перестала существовать. Все, к чему стремился искони человек западной культуры, к чему стремятся сейчас широкие массы европейцев (включая ныне и русских), а именно, овладение телесным миром и познанием законов бездушной материи, — представлялось старому иконописцу отречением от Христа, преобразившего плоть через чудо божественного вочеловечения.

В настоящее время художественное творчество стало искать новых путей преображения действительности, постольку „сегодняшнее“ искусство чем то ближе к иконописи, чем „вчерашнее“, и отсюда его странное тяготение к миру иконы. Но оно в своих смутных потугах пока еще идет по пути отрицания вечных ценностей и поэтому его достижения представляют своего рода „демоническую иконопись“.

Но нельзя преуменьшать тех причин, которые привели к этому протесту. Нужно осознать всю слащавую слабость религиозного искусства прошлого столетия. Древняя иконопись отличается от живописной иконы недавнего прошлого, как Священное Писание от назидательной повести. Мы все знаем, что еще не переводились

на Руси святые подвижники, когда иконопись уже иссякла. Уже не нашлось мастера, способного художественно воплотить образ, например, Серафима Саровского. Древняя икона не знала „психологии“, так как духовный план, занимаемый ею, был выше всех чисто душевных переживаний. Новая икона XIX века уже не знала законов, установленных в древности, для выявления того, что „есть всегда и везде“, она тщетно искала Бога в том, что происходило „там то и тогда то“. Вместо вечного Лица, сообразного замыслу Творца, она терялась в подробностях и случайностях портретного сходства. Вместо святого преданья, полного предвечных символов, мы имеем перед собой набожный рассказ, проповедующий о былом, но не благовествующий о вечном.

В 1915 году мне довелось сопровождать в поездке по Северу России одного историка русского искусства, которому было поручено Святейшим Синодом собрать старые иконы, поскольку они уже изъяты были из церковного или частного обихода и тем подвергались опасности уничтожения. Разбирая груды досок, сваленных на монастырских чердаках и покрытых пылью, паутиной и голубиным пометом, я научился, как мне казалось с первого взгляда, определять приблизительную эпоху и качество письма. Меня тогда поразила сравнительная легкость этой задачи в противоположность тем трудностям, которые представлялись бы такому же определению в области индивидуалистического творчества позднейших времен и других народов. В иконописи мастер, расписавший доску, на первый взгляд как бы не играет первенствующей роли. Древние, из рода в род передаваемые заветы, строгие каноны церковной традиции и видоизменения, созревающие на протяжении целых столетий, скрывают личность автора за сверхличными закономерностями коллективного соборного творчества. Тем не менее, имея перед собой скажем 10 или более икон, изображающих одного и того же Святого (все, казалось бы „одинаковые“), с изумительной ясностью выступает талант иконописца, сумевшего вдохнуть таинственное дыхание собственного вдохновения в „мертвую букву закона“. Становилось ясным, что стеснение традицией пагубно лишь для посредственности, что, наоборот, чем сильнее „сопротивляемость“ унаследованной формы, тем ярче разгорается вызванное преодолением этого препятствия пламя индивидуального творчества. И если бы по-

стараться определить в чем эти достижения выражались, то это нас приведет к центральной проблеме искусства вообще и русской иконописи в частности. Одна из первых особенностей изобразительного творчества заключается в композиции, т. е. в некоей, словами не выразимой, согласованности соотношения частей к целому, в гармонии, звучащей во всех линиях и красках столь же убедительно и вместе с тем необъяснимо, как музыка. Иконописные школы преемственно передавали знание об этой в соборном творчестве раскрываемой тайне. Талант, гений могут видоизменить и расширить эти заветы, но упразднить законов гармонии, находящихся себе выражение в композиции, они не могут. Поэтому то упадок в искусстве прежде всего сказывается в потере чувства к композиции. (Русская живопись последнего столетия, за редкими исключениями, является этому примером). Потеря традиции в искусстве, часто происходящая под знаком самоутверждения посредственности, приводит не к освобождению таланта, а к его обезличенности.

Так же и мы должны были бы находить истинную свободу не в произволе новоисканий, а в творческом проникновении в великие достижения нашего прошлого. В каждой исторической эпохе есть некая таинственная сердцевина, которая иссылает невидимые лучи, освещающие всю ее культуру. Олицетворением таковой для Древней Руси являлась Икона. Подходя к ней, видишь как в фокусе все вместе и все зараз, преходящее и вневременное, национальное и всечеловеческое. С описания этого особого пути проникновения в священные заветы старины мы и начали эти строки. Особенность древней русской культуры и заключалась в том, что обе сферы жизни, реальная и духовная, тесно переплетались и взаимно дополняли друг друга, что жизнь и вера составляли неразрывное единство. Мы и сейчас, больше чем когда либо, его ищем. Мы стонем по нем, но не хотим вспомнить заветов старины.

А где то современное искусство, больше того: где то проявление творчества вообще, которое связано было бы с жизнью личности и с судьбами народными так же тесно, как связана была икона с жизнью наших предков?

В многообразных Лицах и превращениях не она ли сопутствовала каждому человеку на протяжении всего его жизненного поприща от колыбели и до могилы? Не она ли длинной вереницей святых угодников и преподоб-

ных мучеников сопровождала его через весь церковный год и двенадцатые праздники от Благовещения до Вознесения? А в жизни общественной не она ли предводительствовала благоверным ратям и разведалась хоругвью над бранным полем? Или с высоты киота принимала присягу государственных мужей, сопредседествовала их совещаниям и смиряла их разногласия? Не она ли, наконец, в години народного бедствия, шествовала крестным ходом по склоненным головам молящихся, и стопы Ее обевал фимиам и слезные моления?

Поистине, Божественный смысл искусства прославлен в Ней так явно, что из Нее мы можем черпать не только новую силу для наших молитв, но и веру в спасительную сущность самой Красоты, наперекор иконоборчеству всех времен и оттенков.

Г. Г.

ЛЕТНИЙ СЪЕЗД Р. С. Х. Д. В ГЕРМАНИИ

(Воспоминания участника).

Тихое, небольшое, баварское озеро — Steinsee — на опушке леса, уходящие вдаль сочные луга и на горизонте величественная гряда Альп с переливающимися в лучах солнца снеговыми верхушками — эта прекрасная панорама открылась перед зачарованными взорами участников съезда только на четвертый день съезда. Три дня она скрывалась в сетке почти непрекращающегося мелкого дождя...

У самого озера стройными рядами построены походные палатки летнего детского лагеря, на дни съезда освобожденные для съехавшейся с разных концов западной Германии русской молодежи. Несколько вдали от палаток, под большим тентом, походный храм, во имя Преподобного Сергия Радонежского. Самодельный иконостас, аналои и подсвечники из ветвей и обрубков дерева. Между двумя соснами, на поперечной перекладине, 4 маленьких, но настоящих колокола, под опытными руками звоняря, малиновым перезвоном сзывающие участников съезда к богослужению.

Казалось, все препятствовало удачной организации съезда: денежная реформа, лишившая многих иногород-

них делегатов возможности приехать в Мюнхен, бесконечный дождь, пробивающий даже прорезиненные крыши палаток, сырость и холод. Но все оказалось бессильным перед тем рвением, с которым пробиралась молодежь на съезд из Штуттгарта, Аугсбурга, Регенсбурга и даже далеких Ганновера и Гамбурга, не говоря уже о мюнхенцах.

Специальный автобус привез к Steinsee около 100 человек молодежи.

Те, кто бывали на съездах Р. С. Х. Движения, знают, что съезды сильны не столько докладами, прениями и семинарами, а тем удивительным ощущением братства, тем явным касанием и веянием духа подлинного христианства, той легкостью и простотой отношений, которые даются только путем напряженной литургической жизни съезда и стремлением молодежи собраться во имя Христово, приносящим в среду съезда живое ощущение Господа.

Доклады, прочитанные на съезде были прекрасны*, прения — интересны и оживлены, семинары (Евангельский — о. С. Щукин, Литургический — о. Архим. Аверкий и экуменический — Л. А. Зандер) — содержательны и глубоки.

Погода не влияла на ход занятий, проходивших почти все время в самой большой палатке, свободно вмещавшей всех участников съезда.

Но не занятия были основным нервом съезда. Им были те ранние часы, которые участники съезда проводили в своем скромном, чем то напоминавшем старый русский скит, храме за Божественной литургией, подлинно „едиными устами и единым сердцем“ славя Господа.

Храм, как всегда, стал тем центром и источником благодати, которая всех соединяла воедино, сделала близкими тех, кто еще вчера не знали друг друга, сгладила все разногласия и противоречия. Чем дальше, тем более чувствовалась эта радость оцерковления, в конце концов вылившаяся в затянувшуюся далеко за полночь исповедь всех участников съезда и общее причастие в последний день съезда.

В этот последний день — Воскресенье всех Святых Земли Русской — природа, вопреки всем предсказаниям

* Л. А. Зандер, ген. секретарь Р. С. Х. Д. из Парижа — „Идеология Р. С. Х. Д.“, проф. Ф. А. Степун — „Духовные истоки русской культуры“, Г. Г. Габричевский — „О религиозном и безрелигиозном творчестве“, проф. И. П. Четвериков — „О Церкви“.

метеорологических станций, подарила Баварию единственным чудесным солнечным днем. Щедрые лучи летнего солнца дополнили ту полноту радости, которая светила в молодых лицах участников съезда, подходивших к Святой Чаше.

Приезд Владыки Митрополита Серафима, прошедшего почти целый день на съезде и не раз обращавшегося к молодежи с мудрым и ласковым архипастырским словом, заключительное собрание, на котором звучали искренние слова радости общения во Христе из уст молодых и старых участников съезда были глубоко волнующими заключительными аккордами, надолго врезавшимися в память и сердце вместе с радостным колокольным звоном, мерцанием свечей под сенью деревьев, дружескими беседами при огарке вечерами в палатках — тем настоящим, чего так мало сейчас в жизни и что поэтому так особенно ценно.

Съездом было послано приветствие Владыке Митрополиту Анастасию. Владыка Митрополит ответил на имя Протоиерея А. Киселева следующим письмом:

Достопочтенный о. Протоиерей.

В Вашем лице приношу мою глубокую благодарность участникам первого съезда Русского Студенческого Христианского Движения в Германии, приславшим мне свое приветствие.

Следя давно за деятельностью Студенческого Христианского Движения, я желал бы, чтобы оно не переставало вести наши молодые поколения по пути оцерковления и настолько углубило бы в них христианское сознание, чтобы они в состоянии были оценить величие нашего православия, вмещающего в себе полноту благодати и истины и являющегося наиболее глубоким и чистым выражением духа Христианского учения, и через то глубже приобщались к жизни родной им православной Церкви и теснее объединялись вокруг Нее, как своей истинной Матери.

*Призывая на Вас благословение Божие,
остаюсь Вашим усердным доброжелателем*

Митрополит АНАСТАСИЙ.

7 (20) Июня 1948 г.

РЕЛИГИОЗНОЕ ОСОЗНАНИЕ НАШЕГО БЕЖЕНСТВА

Доклад проф. Л. А. Зандера *

Обычно наше пребывание вне Родины мы воспринимаем, как несчастье. Но христианин во всем должен видеть волю Божию и искать даже в несчастьи известный смысл. Часто, оглядываясь назад, мы находим смысл многих событий нашей жизни, напр. болезней, жизненных неудач и т. д. — которого ранее не сознавали. Поэтому сейчас в нашем беженстве нам нелегко найти его смысл, но впоследствии, в исторической перспективе, мы, наверно, его увидим.

Но само беженство, как и всякое несчастье, является для нас экзистенциальным испытанием. Человек в тяжелых обстоятельствах — в бедности, в заключении, в изгнании — высказывает свое подлинное лицо. „Каторга — щипцы для души: обнаруживается или пустота, или ценное внутреннее ядро“ („Сахалин“ Дорошевича). Сам я это видел во время последней войны в немецких лагерях: одни находили себя и выдерживали; другие только охали и спрашивали: когда же нас выпустят? — и опускались морально. Найти себя в наших тяжелых условиях и понять свои обязанности — эту задачу мы обязаны разрешить.

Есть два взгляда на беженство. Один ярко выражен матерью Марией, православной монахиней, создавшей в Париже ряд благотворительных учреждений. Она считала, что мы и впредь не должны терять сознания своего беженства и не устраиваться прочно, ибо „мы не имеем здесь постоянного града, а ищем будущего (Евр. 13, 14). Она так и оставалась в „безбытном бытии“, ее комната никогда не запиралась, она сама была доступна для всех...

Согласно другому взгляду, как бы ни было тяжело и неопределенно наше положение, мы все же должны как то устроиться и на чужбине, хотя бы для того, чтобы не быть в тягость другим. Конечно, это вовсе не означает, что мы должны погрузиться в эгоистическую жизнь, забыть о других и заснуть в самодовольстве. Христианство признает житейское богатство и благополучие, как это, напр. выражено в чине бракосочетания, где Церковь молится о новобрачных: „Исполни дома их пшеницы, вина и елея, и всякия благостыни, да преподают требующим... да всякое самодовольство имущие, избытуют на всякое дело благое...“ Потому что, только заботясь о других, более нас нуждающихся, мы можем и в довольстве сохранить то, что Достоевский назвал „благообразным житием“.

Но сейчас из под наших ног вырвана почва и у нашей молодежи нет ясного будущего. В любой другой стране молодые люди могут строить планы своего будущего. Но мы, оставшись без земли, невольно обращаем наши взоры на небо... Отсюда для многих из нас родилось новое отношение к Богу, и как некоторое откровение, раскрылось значение Церкви. Раньше мы или не знали Церкви, или не ценили ее так, как теперь, когда мы находим в ней то евангельское „сокровище“, ради которого можно оставить все остальное.

Действительно, разве Церковь когда нибудь раньше занимала в нашей душе такое место? И когда это было, чтобы Церковь нас так

* Составлен в сокращении по записям слушателей.

опакала, так близко входила в нашу жизнь, так помогала нам духовно и материально? И мы, прежде вспоминавшие о Церкви только по большим праздникам, теперь невольно втягиваемся в поток ее жизни, все освящающий и все наполняющий.

Переходя к конкретным задачам, стоящим сейчас перед нашей молодежью зарубежем, укажем на следующие:

1. Хранить и умножать все лучшее, что мы принесли из нашей Родины.

Это лучшее — наша православная вера, наша Святая Русь, представители которой мы должны быть; затем — это наш язык, наша литература, наши родные обычаи.

Однако, мы не должны застыть в чисто церковно-бытовых формах. Хотя мы и пересажены на чуждую нам почву, но мы не должны чуждаться окружающей нас духовной культуры и впитать из нее все лучшее. Таким путем мы избежим двух крайностей, угрожающих нам: не потеряем нашу национальность и не растворимся в массе других народов во вторых, не застынем в виде некоего куска старого мира, как бы „куска русской археологии“, не влияя на окружающую нас жизнь.

От обеих этих опасностей нас может спасти Православие — не как внешняя форма, но как стержень нашей духовной культуры. Опыт старой эмиграции показал, что семьи, жившие на основах Православия, оказались самыми стойкими и сохранили свои национальные особенности. Те же, кто стоял вне Церкви, те были скоро переварены в котле чужой культуры. Поэтому, здесь, на чужбине, мы должны стать более православными, чем где бы то ни было.

2. Ценить и уважать все ценное в духовной культуре той страны, где мы живем.

Кто то сказал, что кроме „Святой Руси“, были и есть „Святая Германия“, „Святая Франция“ и т. д. Я счастлив засвидетельствовать, что за 2 недели моего пребывания в Германии, я уже почувствовал, что и немцы, побывавшие в СССР во время войны, сумели почувствовать духовную жизнь Православия. Такова же наша обязанность по отношению к стране, где мы живем. Мы должны открыть ее духовные ценности, ибо во всяком народе были и есть достойные представители культуры и религии; и здесь были свои праведники, проповедники и мученики. С другой стороны, мы должны сами, в живом общении с иностранцами, выявить свое Православие и свои национальные особенности. Здесь мы постоянно должны помнить, что по нас судят и оценивают нашу Родину, нашу культуру, нашу Церковь. Быть может Господь Бог и рассеял нас, православных, по всему миру, чтобы мы были проповедниками истин Православия среди растерявших свои религиозные ценности иностранцев: Это тоже большая ответственность, ложащаяся на нас в нашем беженстве.

3. Обязанности по отношению к себе самим.

Многие думают, что наше переходное, неопределенное время не пригодно для работы над собой, для постановки каких либо абсолютных задач. Они считают, что надо ждать того времени, когда мы как то прочнее устроимся, и тогда можно будет учиться, созидать, стремиться к чему то. Этим самым люди обрекают себя на духовное прозябание, на бездеятельность и подтачивают свою духовную личность. Конечно, эти отговорки — самообман. Если мы сейчас не

можем работать, учиться, строить свою духовную жизнь, то и потом, в лучших условиях, мы тоже ничего не сделаем. Всякая пассивность, равнодушие нас расслабляют, а кроме того опыт истории показал, что духовные и культурные ценности человек создает не во время спокойной и довольной жизни, а в условиях испытаний, страданий и борьбы. Если мы сумеем чего нибудь добиться в наших суровых, неопределенных условиях, то это будет для нас особенно ценно, это закалит и обогатит нас на будущее. Не будем же обманываться, ведь Бог нам послал эти трудности не случайно, а чтобы они перевоспитали нас и к чему то приготовили...

Вспомним рассказ Лескова „Час воли Божией“. Мудрецы были изумлены, когда простая деревенская девушка ответила царю на его вопросы: что самое важное время для нас — нынешний час; самое важное дело — то, которое мы сейчас делаем; самый важный человек — тот, с которым мы имеем дело сейчас... Если мы в этом духе подойдем к нашему беженскому „сегодня“, то мы найдем себе такие задачи, такие обязанности, которые наполнят наши дни и дадут им смысл, освященный Богом, и сделают наши беженские будни временем творческого служения Богу и людям...

ХРОНИКА

Осенью прошлого года в гор. Гибельштадт состоялась встреча русских работников УМСА/УВСА (Христианский Союз молодых людей — женщин) из Крейбурга, Менсгофа, Пассау, Регенсбурга и Шлейсхайма. Встреча носила глубоко дружественный характер и выявила общее желание дальше работать объединенными силами.

Был создан координационный комитет русской УМСА/УВСА, возглавить который Собрание просило А. И. Зеленого. В качестве духовного руководителя постановлено пригласить протоиерея А. Киселева. Секретарями комитета избраны Р. Полчанинов и Е. Петровская.

По мере поступления материала, Вестник будет помещать информации о работе русской УМСА в Германии.

* *

* *

В январе месяце в Швейцарии состоялась первая конференция представителей православных организаций молодежи. Там встретились греки, русские, сирийцы, сербы, арабы, болгары и представители других православных народов.

Данная конференция была вызвана давно ощущаемой потребностью встречи, знакомства друг с другом и обсуждения вопросов церковно-воспитательной работы.

В следующем номере Вестника будет помещен подробный отчет о конференции.

ЖИЗНЬ ДВИЖЕНИЯ

М Ю Н Х Е Н. Кружки. В настоящее время в Мюнхене и его ближайших окрестностях работают следующие кружки Движения: 2 кружка по изучению Евангелия, 1 святоотеческий кружок, 1 иконописный кружок, 2 кружка по изучению Евангелия в Пазинге и в Гаутинге.

По понедельникам и пятницам от 8-ми часов вечера происходят спевки церковного хора Движения.

„Четверги“. Каждый четверг в 7 часов вечера в помещении Движения читаются лекции на различные темы из области православной культуры. Лекции, читаемые лучшими местными и приезжими докладчиками, собирают большое количество слушателей и заканчиваются оживленными дискуссиями. В текущем году были прочитаны следующие лекции: „О молитве“ — проф. И. П. Четвериков; „Преподобный Сергей Радонежский“ — прот. Г. Бенигсен; „В. И. Качалов“ — С. Н. Дубровский; „Роль Иоанна Грозного в процессе русского социального развития“ — проф. В. В. Леонтович (Франкфурт); „Русское Национальное Самосознание“ — проф. Е. Н. Кельзи; „Творения Св. Отцов Церкви“ — архим. Аверкий; „Жизнь Англиканской Церкви“ — архим. Гермоген; „Проблема смерти в христианстве и медицине“ — проф. П. Н. Раевский и прот. А. Киселев; „Русская икона“ — В. Завалишин; „Происхождение атеизма и пути его преодоления“ — проф. И. П. Четвериков; „Об о. Иоанне Кронштадтском“ — игумен Георгий и др.

Юношеский отдел. Работа юношеского отдела выражается в ряде гимназических кружков, руководимых членами Движения и посвященных углублению религиозного сознания и церковной жизни в русской учащейся молодежи.

На рождественских каникулах Мюнхенский деловой комитет устроил две елки — детскую и юношескую.

Море детских головок устремило свой внимательный взор на сцену, где с кинематографической быстротой разворачивалось действие русской народной сказки Движения — артисты были в ударе. Конечно, был дед Мороз, наделивший всех пакетиками со сладостями — подарком американских оккупационных властей. „Елки“ посетило свыше 400 детей.

Группа юных христовославов (учащихся младших классов гимназии) на первый день Рождества славилы Христа у двух Владык-Митрополитов. Оба Владыки хвалили хор и угощали детей. Сопровождавший христовославов председатель делового комитета О. М. Родзянко передал Владыкам первый номер Вестника. Наши христовославы посетили также больного председателя Движения в Германии А. И. Никитина, лежащего в больнице.

Детская работа. Каждое воскресенье члены Движения выезжают в места скопления русских эмигрантов и ведут работу с детьми младшего возраста в 4-х воскресных школах. Целью этой работы является — дать возможность детям совместить их воскресный досуг с началами религиозного воспитания. Воскресные школы

работают в тех местах, где русские дети находятся в особенно тяжелых условиях жизни.

Раз в неделю руководители воскресных школ собираются вместе, для получения инструкций и согласования плана работы.

В воскресенье, 5-го декабря все дети, занимающиеся в воскресных школах Движения (около 10 человек) были на машинах привезены в помещение Движения, где для них был организован общий Детский праздник. После молебна и предложенного им чая, дети провели праздничную программу (песни, декламация, народные танцы, небольшая пьеска), закончившуюся играми под руководством воспитателей и, усталые и довольные, разъехались по домам.

Конференция кружков. 13 и 14 ноября состоялась двухдневная конференция всех участников Кружков Движения в Мюнхене. Конференция началась ранней литургией в Храме Движения при пении самих участников конференции. В течении двух дней молодыми членами Движения были прочитаны 4 доклада на следующие темы: „Религиозное обоснование национального бытия“ (З. К. Маркова), „О русском национализме“ (О. М. Родзянко), „К чему обязывает нас Движение“ (Е. А. Лопухина), „О любви к Богу“ (С. А. Слободской). Содержательные и искренние доклады вызвали оживленный обмен мнений. Следует особо отметить дух дружбы, взаимопонимания и христианской близости, заставивший участников конференции унести в сердцах чувство удовлетворения и светлой радости. Участники конференции постановили устраивать впредь подобные встречи ежемесячно.

Годовой праздник Движения. С самого начала своего существования РСХД своим годовым праздником избрало день Введения во Храм Пресвятой Богородицы. Возродившееся в Германии Движение в этом году особенно тепло и торжественно отметило этот день, совместив его, по традиции, с приемом целого ряда участников кружков в действительные члены РСХД. По сути дела этот день превратился в однодневную конференцию всех членов и кандидатов в члены Движения в Мюнхене. Участники торжества собрались в Храм Движения ко Всенощному Бдению под праздник Введения, и после богослужения все подошли к таинству Исповеди, а за литургией в день Праздника — к св. Чаше. После обеда состоялся реферат молодого члена Движения А. А. Богачевой „О православном почитании Богоматери“, содержательностью и искренностью передачи настолько захвативший всех слушателей, что, прежде, чем перейти к обсуждению доклада, все, без предупредительного словора, поднялись и пропели несколько песнопений Пресвятой Деве.

После доклада состоялось торжественное заседание с приемом новых членов. За дружеским ужином, проф. Ф. А. Степун поделился с присутствующими своими воспоминаниями о первых годах существования Движения за рубежом.

Храм РСХД в Германии. Высокопреосвященнейший Митрополит Серафим благословил передачу домовую церковь дома „Милосердный Самарянин“ в Мюнхене в ведение Русского Студенческого Христианского Движения, назначив прот. А. Киселева ее настоятелем. При храме Движения организован приход.

С того времени в храме Движения, во имя Преподобного Серафима Саровского, совершаются ежедневные ранние литургии.

Приход РСХД ставит своей целью, кроме обычной церковно-приходской жизни, всяческую помощь в миссионерской, религиозно-просветительной и социальной работе среди русской молодежи и юношества.

ГАМБУРГ. Со времени июльского Съезда работа среди молодежи продолжалась двумя ветвями — среди студентов Гамбургского Университета и среди молодежи ДП лагеря Фишбек.

По возвращении со Съезда наши делегаты выступили с отчетными сообщениями. Одно собрание было устроено для студенческой группы, другое — для лагерной молодежи. На них делегаты поделились своими впечатлениями о Съезде.

Текущая работа состояла из деятельности кружков для изучения Евангелия и из чтения докладов для молодежи. Студенческий кружок продолжал работу над Еванг. от Матфея, а лагерный — над Еванг. от Иоанна. Собрания кружков происходили еженедельно, число участников от 7 до 10.

С начала учебного года была организована новая группа из учащихся старших классов гимназии. Так как занятия в гимназии происходят во 2-ой смене, то собрания группы пришлось производить по воскресным дням. Они состояли в чтении докладов, с которыми выступали, как законоучитель, так и старшие из учащихся. Темы докладов были: 1) Что такое духовная жизнь; 2) О католичестве и протестантстве; 3) О православии и инославии; 4) Туринская плащаница; 5) Особенности богослужения Рождества Христова.

Темы для этих докладов выдвигались самими учащимися, для чего был устроен „ящик вопросов и предложений“.

Наконец, для лагерной молодежи были проведены доклады на темы: 1) Половой вопрос в свете науки и религии (для мужской молодежи); 2) Здоровье тела и здоровье духа; 3) О почитании святых; 4) О Евангелии и 5) „Быть“ и „казаться“.

На докладах присутствовало от 30 до 60 человек. Доклад „О Евангелии“ был повторен для студенческой группы.

Недостатками работы являлось отсутствие докладчиков и руководителей из среды самой молодежи и почти полное отсутствие книг религиозного содержания. Поэтому главная часть работы лежала на духовенстве. Кроме того сама молодежь сильно загружена обязательной работой или учебой и имеет мало досуга.

Все же, заканчивая этот год, мы должны благодарить Бога за возможность вести эту небольшую, но систематическую работу среди нашей молодежи.

„Вестник“ просит всех друзей-читателей, еще не внесших подписной платы за 1949 г., сделать это в ближайшее время.

К ДРУЗЬЯМ-ЧИТАТЕЛЯМ

Выпуская в свет второй номер „Вестника“, мы обращаемся к нашим друзьям с двумя просьбами:

1. Посылайте в редакцию Ваши статьи и заметки. Наш Вестник является голосом молодежи, а потому на его страницах, наряду со статьями умудренных авторов, есть место и для начинающих писателей из среды самой молодежи.

2. Содействуйте широкому распространению нашего Вестника среди русских людей и в первую очередь среди молодежи. Спешите привлечь к Вестнику большее количество подписчиков и тем обеспечить его дальнейшее издание.

Помните, что Вестник зависит от Вашей заботы о нем.

По всем вопросам, связанным с Вестником, сюда относится и взнос подписной платы, для лиц, проживающих в Западных зонах Германии, надлежит адресоваться в редакцию Вестника:

*Pfarrer A. Kisseleff
München 27, Mauerkircherstr. 5
Germany — US Zone.*

Заграницей прием подписной платы производится:

Америка: Mrs. Anastasia Gulkevitch. 1475 No Los Robles Ave
Pasadena 6. Calif. U. S. A.

Аргентина: M-lle Elena Doroshin. Buenos Aires. Valla Madero
Calla Iriarte 1224. Argentina.

Бельгия: M-me E. Choutoff. 6, Square de la Residence.
X. L. Bruxelles. Belgique

Марокко: M-me E. Mirkovitch. 36, Derb Abda Kasba.
Marrakech-Medina. Maroc.

Франция: Mr. I. Morosov. 2, rue Voisembert.
Issy-les-Moulineaux (S). France.

Подписная плата на год в Европе — 16 герм. марок (500 франц. фр. — 100 бельг. фр.). Вне Европы — 4 амер. доллара.

Цена отдельного номера 1.50 нем. марок.

